

Автор Диана КАН

На дорожку выпили. Закусили пряничком
Бравые хорунжии, юные уряднички.
Рюмки наземь шваркнули. Песенку возгаркнули.
Стременами звякнули. Шашками возбрякнули.
Ой ты песня-песенка, свободолюбивая,
До Урала-батюшки долети, ретивая!
Милым другом петая, Господом хранимая,
И до Волги-матушки долети, родимая.
В буйны ветры лентою шёлковой вплетённая
Помнящая Разина, знавшая Будённого,
На просторах родины солнышком разнежена,
Не кончайся, милая песня бережная!

От сессии до сессии живут студенты весело.
От премии до премии живут поэты временно...
Ну что же ты, Диана Кан, курносый нос повесила?
Что в этой ситуации ты предпринять намерена?

Сбежала... Что ж, на большее, ты, видно, не заточена,
Но от себя не спрячешься в саду, что райским числится.
Хрустишь румяным яблоком у жизни на обочине -
И жизнь из рая видится жестокою бессмыслицей.

Гори всё синим пламенем заката величального!..

Нет, это не депрессия, скорее - равновесие.

Иди оно всё по боку – любовь многострадальная

И даже та ревнивица, которая – поэзия.

Кто там, в мой рай пробравшийся, опять плоды запретные

Похитить вознамерился, исполненный желания?...

Ах эти искусители - румяные-приметные

Лукаво урожайные на дереве познания!

Отвергнутой любовницей в саду калитка всхлипнула.

Лукавой заговорщицей надрывно ветка хрустнула.

Кто, в синий плащ закутанный, в обход аллеи липовой

Идёт по саду райскому, слагая песни грустные?..

Катись оно всё по боку, гори всё синим пламенем –

Романтики и циники, таланты и поклонники...

Окошко в небо распахнёшь (рассветом небо ранено!)

И - синие глоксинии найдешь на подоконнике

Ты женщина, а это ветер вольности...

Юрий Кузнецов

Царя всевластно на родном просторе,

Где навсегда сроднились даль и дол,

Ты шлялся, вольный ветер, в чистом поле

И на судьбу нечаянно набрёл.

Тебя в подол поймала – вот находка!
Немало вольных ветров на Руси!
Ты поначалу показался кротким
И даже робким, Господи спаси!
Пока бельё в Урале полоскала
И шла домой по колкому жнивью,
Заискивал, играя с лентой алой,
Что крепко в косу вплетена мою.
Кружа вокруг немыслимые вальсы,
Которые у ветров так в чести,
Внезапно осмелел и попытался
Мою тугую косу расплести.
Я отмахнулась, поправляя локон
Своих строптивых вьющихся волос.
Ты погрузнел и шлялся возле окон,
Дождливо грустных не скрывая слёз.
А ведь, бывало, струги и будары
Гонял ты по седой Урал-реке,
В степи до неба раздувал пожары,
А тут вдруг приуныл в печаль-тоске.
Мечтал бродить веками в чистом поле...
Кому дано смирить твой буйный нрав?
Но заблудился в шёлковом подоле,
На бабу-дуру волю променяв.

Стипухи хватит на общагу,
А также хватит без проблем
На джинсы «Вранглер», тортик «Прагу»,
И на пластинку Бони Эм.

На что ещё? На радость жизни,
Что в смехе молодом искрит,
Когда уверенность в Отчизне
Сомнению не подлежит.

Тот, кто мою не знает юность,
Присвистнет звонко: «Эгегей!
Ну ты, Дианчик, размахнулась
На целых 35 рублей!»

А у меня размах имперский -
Калининград – Владивосток!
И хохот молодой и дерзкий
Взлетает аж под потолок.

А у меня страна такая –
Земли одна шестая часть!
И я пока ещё не знаю,
Что могут это всё украсть.

Я сессию не завалила -
Любимый тортик «Прага» ем.

Вчера на фарце прикупила
Пластинку группы Бони Эм.

И смотрит на меня с улыбкой,
Пока несу какой-то бред
С самоуверенностью пылкой
Влюблённый парень-почвовед.

Апрель заигрывает с маем,
Но помыслы его чисты...
И я ещё пока не знаю,
Что где-то есть на свете ты!

«Ну что, моя красавица? –
Ты протянул мне розу, -
Всё только начинается...»
Похоже на угрозу!
Наверное, устала я
Быть строгой недотрогой,
Как эта роза алая –
Такой же одинокою.
Устала от попутчиков,
В которых не уверена.
От Блока и от Тютчева,
И даже от Есенина.
Устала грезить будущим,
Казаться всем стервозою,

Быть в чьём то сердце любящем
Кровавою занозою.
Сколь от судьбы ни шастала,
Судьба догнать намерена...
Я розочку шипастую
В руке держу растерянно.

Со мной никогда ты ни в чём не согласен,
Но пусть нас рассудит полночная тьма.
Ведь мир наш лишь тем безнадежно прекрасен,
Что всяк здесь по-своему сходит с ума.
С тобой никогда я ни в чём не согласна,
Не зря малахольной веками слыву...
Уверь же, уверь меня, сокол мой ясный,
Что всё происходит сейчас наяву.
Что в том, что навечно случится сегодня,
О чём соловей залихватски звенит,
Виновна не полночь, лукавая сводня,
Но полдень, победно взлетевший в зенит.

День грядущий окутан туманом...
Словно сын, что в свободу влюблён,
Чутко дремлет в стволе у нагана
Самый верный последний патрон.

Как положено ласковой маме -
Проклиная, ревнуя, любя –
Ты о нём размышляла ночами,
Ты его сберегла - для себя.

Всех других ты легко отпустила
Сыновей в беспощадную жизнь.
Пусть спокойненько спят по могилам
Тех, с кем в битве последней сошлись.

Ты, любовь почитавшая блажью,
Не заметила, как он влюблён,
Сберегая тебя от тебя же,
Самый верный последний патрон.

В напряжённом житейском разгуле
Он и нежен к тебе, и жесток,
Но с тобой не поделится пулей,
Что тебя поцелует в висок.

Кровятся высверки зари
Меж льдистых облаков...
«Люблю тебя!..» - не говори
Мне этих страшных слов.
Уж лучше оставайся нем
И сделай вид, что глух:
Они безжалостны ко всем,

Кто произнёс их вслух...
Уж лучше поцелуем я,
Мой милый обормот,
Под пересуды декабря
Тебе закрою рот.
Пускай от зависти ворчит
(И окороту нет!)
Весь добродетельный на вид
Декабрь, старый дед.
Я поцелую – не совру,
Ведь я не из тихонь!
...Пылает на шальном ветру
Наш поцелуй-огонь.

Наденька, надень-ка
Платье из новья!
Родилась идейка
Нынче у меня.
Дамою идейной
Ощутив себя,
Разве не хотейно
Жизнь начать с нуля?
Наденька-Надея!
Всё-то нам к лицу!
На любовь надеясь,
Хоть сейчас к венцу!
Пусть шальная тройка
Мчит и мчит вперёд,
Чтобы ахал только,
Расступясь, народ.
Эх, ямщик бывалый,

Ленты под дугой...
И в рубахе алой
Ухарь молодой.
Стоп на повороте –
Размечталась я:
Почему то против
Дети и мужа.
Но зато азартна
Кавалеров рать!..
На 8 марта
Вредно не мечтать.
Надя, вытри слёзы,
Оглянись вокруг!
Али мы не розы
Класса Люксембург?..

Двадцать семь километров до финской границы...
Древний Выборг собою весьма недурён.
Мне бы только в него невзначай не влюбиться,
Ведь от веку он не был никем покорён.

Выборг! Ветром, дождём или лучиком солнца,
Хоть намёком меня за собой позови!..
Но свинцовых небес слюдяное оконце
Не сулит (даже вымолвить страшно!) любви.

Городок с ноготок... Городок-неулыба...
Светлый рыцарь с пощады не знавшим мечом.
Имя Выборг звучит, как приказ сделать выбор
Между светом и тьмой, между злом и добром...

Между мной и тобой, что стоят на границе
Двух великих миров двум вселенным под стать...

И стальная двуглавая хищная птица
Изготовилась в зябкое небо взлетать.

Мне б утешить тебя, милый Выборг, да нечем!
Всё однажды закончится в мире войной...
Но взлетает крылатой ракете навстречу
Та любовь, что отверг ты при встрече со мной.

В парке ветер газету листает...
Изумруды меняя на медь,
Шалых листьев мятежная стая
Порывается в небо взлететь.

Невысокого, право, полёта
Золотая жар-птица - листва.
Но и ей тоже в небо охота.
И она, безусловно, права.

Вновь и вновь при дожде-конвоире
Всем земным непогодам назло
Жар-листва, как и всё в этом мире,
Порывается встать на крыло.

Шаль моя и окошка фрамуга
В эти грустные светлые дни
И стихи, и тоска, и разлука
Вспоминают – крылаты они.

Золотая осень, плачь,
Но смирись с природным чудом –
Коренастый карагач
Не расстался с изумрудом.

Верность лету сохранил.
Не купился зябким златом.
Чем же он тебе не мил?
Знать, не быть ему богатым!

Ты расстроена до слёз,
Ведь милей его упорства
Верноподданных берёз
Золочёное притворство.

Или преданность осин,
Что купила за медяшки.
Или трепетность рябин,
Что в крови дрожат, бедняжки.

Все склонились пред твоим,
Осень. злато-государством...
Карагач неумолим
Со своим степным бунтарством.

Оренбургский сторожил,
Он один из всех не плакал,
Когда голову сложил Пугачёв
Пред смертной плахой.

Ночь... Обыватели уснули...
Кто это там в ночи не спит?..
Один в один - Вадим Бакулин -
Бродяга, рыцарь и пиит.
Кто это с ним? Фарид Нагимов?
А третий кто?.. Ужель она -
Та, что вовек невозвратима,
Как високосная весна?
Пока другие спят вповалку
Во власти предрассветных снов,
Они втроём сквозь Зауралку
Бредут на соловьиный зов...
Они в объятия рассвета
Идут, подельники весны,
Ещё куда безответно
В литературу влюблены...
Им славы горькая наука,
Поющим впроголодь - не впрок!..
Но високосная разлука
Уже подстерегла висок

Ты твердишь - ты лучший самый!..
Но пока, братуха мой,
"Вышли сала! Здравствуй, мама!"
СМС-ку шлешь домой.
Сколь ни дай тебе - всё мало!..
Жить привыкшему во зле
Родина - везде, где сало
И горилка на столе.
На майдане развлекайся,
Сало ешь, горилку пей...
Только после не раскайся,
Покаянных слёз не лей.
Эхма, салом по мусалам...
Не ударь, братуха, в грязь:
Продаваться - так недаром,
Це Европа заждалась!
Вряд ли, впрочем, салом встретит,
Малость впавшая в ислам -
Не бросая слов на ветер,
Буркнет разве что: "Салам!"

Зря ты ждал моих проклятий...
Что воззрился на меня?
Братья мы, конечно, братья -
Каин с Авелем - родня!

Было-сплыло... шатко-валко...

Что ни сокол – пустельга.

Что ни речка – то Каргалка.

Что ни девка – то карга.

Что ни век – метель да стужа.

Край непуганых невест,

Оренбуржье, Оренбуржье

На десятки вёрст окрест!

Здесь казачья хата – с краю,

Да и та давно ничья.

Край, на кой тебе такая

Пересмешница, как я?

Есть вопросы без ответов,

Без вопросов есть ответ...

Ты помог мне стать поэтом,

Хоть ни разу не поэт!

Не взыщи, мой край, каргою

Стать старалась - не смогла.

Знать, твоей любви не стою.

Остальное – бла-бла-бла...

Да и ты, хотя и сокол,

Однозначно – не сапсан,

Чтобы мучиться высокой

Страстью по Диане Кан.

Заходясь в метельном плаче,

Зацелованный тоской,

Край, живущий на удачу,

Ну на кой ты мне такой?

В расхристанный денёк осенний

Я снова вспомню о тебе,

Лирический бунтарь Есенин -

Собрат по грусти и судьбе.

Моя осмеянная всеми

Неразделённая любовь -

Эпический блондин Есенин,

Что супишь бронзовую бровь?

Иду с красивой дочкой Настей

В литинститут на семинар...

А ты обзираешь настежь
Распахнутый Тверской бульвар.

Вокруг владычествует осень,
А дочь моя - сама весна.
Она тебе цветы подносит...
Похоже, тоже влюблена!

И ты не выглядишь уставшим
В цветах поклонниц молодых -
Высоким памятником ставший,
В костюме одетый, как жених!

С улыбкой горько горделивой
Глядишь мне вслед через плечо...
И я кажусь тебе счастливой,
Хоть я не памятник ещё.

«Ты же девочка!..» - он говорил,
Самый лучший на свете мужчина,
Что меня беззаветно любил,
Хоть мечтал видеть первенцем сына.

Ты же девочка! Не забывай!
Ты надежда и звездочка наша.
Знай за обе щеки уплечай
Ненавистную манную кашу.

Будь разумной и не прекословь!
Улыбаясь затравленно гордо,
Заломи артистически бровь
И долби день деньской септаккорды.

Ты же девочка! Я не пойму!
Ты должна быть послушной и милой...
Объясни-ка отцу, почему
На предплечье татуху набила?

Объясни, за какие грехи
Ты отчислена из института?..
Что? Какие-такие стихи?
Нет занятий приличней как будто!

Ты же девочка!.. Что за дурак
Держит два ваши паспорта?... Да уж!
Ты никак – так твою перетак! -
В пятый раз собираешься замуж?

...Милый папа... Мне слушать невмочь
Безответные эти вопросы...
Ты прости непутёвую дочь,
Что таскала твои папиросы!

Корень вечной проблемы узря,
Лишь о том сожалею порою,
Что о сыне мечтал ты не зря,
Жизнь считая забавной игрою.

В мир пришедшая майской грозой,
Дурью маюсь, стихами болею...
Папа милый, я стала большой
И навряд ли уже повзрослею!
